

От Семени Лившина из США — Юрию Овтину — как предисловие к книге о конкурсе "Сетевой Дюк"

КАЛИТКА В ДЮКОВСКИЙ САД

Эта книга, согретая любовью к Одессе... Рассказы и стихи, где плещется Черное море... Солнце Одессы. Оно преламилось в сетях Интернета... Н-да. Ничего, здесь, в Калифорнии, тоже, слава богу, есть приличные вина. Конечно, это не "Легина степу", но все-таки. Взял хмель бы сухой, мускат "Канели". И налить стакачки. Прохлаждать. Или два. Чубок было с кем чокунуться. Мускат слегка горчит, зато так приливает к литературе и жизни.

Короче говоря, в этой книге собраны лучшие работы интернетовского конкурса "Сетевой Дюк". Отсюда и название: "Дюковский сад". Память панорамирует по пыльным кустам и ностальгическому прищипу. В его дремлющей глади отражается тень лебеда Борнжи, сведенного как-то по пянке местными хулиганами братьями Демченко.

Да. Книга и впрямь выросла, как старший одесский сад или парк. Пусть тебе и каляна с опахалом листьев, и глядя, что мелко лепечет на ветру: "А вот как стучат стучат, стучат свежее!" — и пыльная разварная сирень, особо везучий сорт для экзаменов: лобод цветков — о пяти лепестках, и высокие платаны, на которых тучами гадают вороны, но если фронто хлопнуть в ладоши, вороны на них замолкают, и этот опусневший вид вдруг заполняется легким журчаньем: вечно так? Вода из лопнувшего на Пересыни мерициана?

Ну и, конечно, в этом саду-парке полно акции. В Калифорнии она тоже есть, но совсем не пахнет и произносится чуть ли не "акакия". Ха, а варчу Акакий Акакиевич — дальний отпрыск одесской акации! Дальше — виноград "Лаксинтон". Худая жимшистая лоза, все в накалах, а фрукты тамные, жевательные, вино по осени грузное, пахучее. И мысли от него не растекаются по древу, как от муската "Канели". А как насчет айрикозов? Конечно! Во-первых, жердеи, маленькие, пятнистые и вдобавок сладкие отпрыжки, что даровые. Во-вторых, анасанские айрикозы. Сочные, солнечные, перезревшие. Ночью они гурно буркаются о землю, отбивая часы и минуты жолы.

Если бы Ньютон сидел под такими деревьями, он открыл бы закон всемирного тяготения к Одессе.

Так. Пора бы уже сказать о книге что-то конкретное.

Например: многое в ней вызывает чувство так называемой хорошей зависти. Например, когда люди могут и стихи, и прозу. Или что-нибудь одно, но так просто и так нежно. Хотя нежность то и дело переходит в сентиментальность. Начинается суета, наша южно-избыточная артикуляция-жестикация, такой перебор подробностей, что их даже Марсело Труццу хватало бы на целую пачку пачку.

Кстати, а почему бы не назвать эту книгу по-чуждому: "В поисках потерянного места"? Ну, как говорил в свое время наш редактор на летучке, люди нас не

поймут. А может, все-таки?.. Хотя нет — книга ведь уже напечатана. И поэты, авторские права Труццу... У него, кстати, были дети? По стилю вроде не похоже. Ладно, оставим это название про запас: вдруг когда-нибудь появится еще один такой сборник, а название-то уже есть — поддела!

А в этой книге мне особенно понравилась Мария Галина, особенно стихи. Плак просто и так нежно. Ах, да, это я уже говорил. Ну понравилась мне и точка. И Ефим Яковлевский особенно понравился, особенно "Провинциальный роман-с". Хотя вхожу в текст и живи там, тяготясь этой жизнью и меланхолично любящая ее... И, конечно, особенно понравился Евгений Толубовский. Его эссе, которые давно уже пора выпустить отдельным изданием, это просто классика — давайте так и скажем Мэне прямо в лицо. И Наталья особенно Лакшина мне понравилась, со второго, правда, раза, эта ее лукавая рецензия "Война и мир" Михаила Жванецкого". И еще особенно мне понравилась...

Кстати, о Жванецком. В Одессе трудно быть писателем. Стать можно — быть трудно. Со всех сторон над тобой нависают знаменитые предшественники. Горько по-нынешнему: авторитеты. Их тексты давным-давно уже разобрали на цитаты, которые с детства впитали зрители мальчики и девочки. Куда ж ты ткнешься со своим самопальным копиром, если вокруг тебя такая мощная литературная аналогия: олеши-дабери-шор-петров-кайаев-наустовский-жванецкий... Ну надо или не читать их, утверждаясь в собственной уникальности, или чекать, как все они, из Одессы и писать о ней издалека.

Многие авторы "Дюковского сада" так и сделали. Кто эмигрировал в Москву, кто в Нью-Йорк, Пель-Авив... А может, наоборот: это Одесса нашей молодости укачала от нас далеко-далеко?

И только иногда, в разгар пустой зимы, она вдруг напоминает о себе, мелькает, как узкая белая полоска от купальника на спящей спине, загоревшей где-нибудь на черт, второе "на" подража! Двенадцатой станции Фонтана или же на Каролино-Буразе, где несмелое море нашей мечты соседствует с плоским лиманом нашей жизни... Но если медленно-медленно вести рукой по этой незагоревшей полоске на спящей спине, неторопливо путешествуя от одной родинки к другой, как от островка к островку, то кажется, что снова лето, палубного, и что несчетные часы пляжа будут всегда переис...

Да — книга. Одних ее авторов я знаю по прежней одесской жизни, кого-то — по нынешней, третьих — только по "Сетевому Дюку", где состоял членом жюри. Эти люди — как большое одесское семейство: все едят, говорят и поют одновременно, поют, что слишком долго ждали своего часа. Последний год — 60 — 90-х, который нашлось благодаря своему телеэлементу и Интернету.

Олег Турбан и Юра Овтин, прописавшиеся в Одессе, когда она еще называлась Хад-

жисееи, и терпеливо объяснявшие Де Рибасу, как ему попасть на его бурную цицу, — никак отбуква у них такое знание древней жизни? Олег Юрьев, единственный из авторов, кто отбавился на цронический жанр, — спасибо! Дима Яковлевич, такой нью-йоркский репортёр, знающий Торожд Желтого Дьявола как свои пальцы, — и, пожалуй, в духе такой отчаянный мускат, даже мускатный тенор. Боря, Боря Херсонский, я слышу его бесстрашный неторопливый голос психиатра и псаломщика, он читает свой "Селеинный архив" для тех, кто понимает.

Вот именно. Эта книга — для тех, кто понимает. В ней надо родиться, испытать все предписанные тебе неприятности, чтобы только потом понять: оказывается, это и было твоё счастье.

Когда-то мы свято верили в то, что Одесса — лучший город на свете. Потом, похваля Ларинж или Рим, с наслаждением находили там новые куски старой Одессы, тактично разбавленные коллизией и трицифранными арками, и понимали, откуда что взялось. И каким оно могло бы стать, если бы Приморский райсопалком фрал пример с Елисейского. Выходит, это был просто областной центр со всеми его вторичными признаками?

Но тяга к городу нашей молодости не исчезает от понимания того, кто есть кто. Хотя старые одесские знакомые в основном на кладбище или за границей, а кое-кто успевает оказаться сразу там и там... и поплыви наизусть все эти обрывки, рассыпанные лестницами, облупленные дома и заборы, среди которых — новенький особняк с автоподной подкачкой-светом-газом вдруг сверкает, как послевоенная фрика в шершати ртуть... Но как вечно все! Сколько мускули! какие люди, с какой охотой! Новое поколение девчушек, которое сверло раруцет жези. Или просто делают вид — они же всегда только делаем вид.

И снова песок, милококо, ракушняка. Спаальный доисторический общности коллектив миллионно, мирно переживший феодализм, капитализм, социализм, национализм, еще один капитализм, ркекет с человеческим лицом...

Город-риф. Город-миф. У него невозможно взять реванш. Об этом городе можно только писать.

Мне кажется, эта книжка получилась очень одесской. Во всех смыслах.

За это и хочется выпить.

За тех, кто в Одессе.

Где бы она ни находилась.

Даже в книжке.

Семен ЛИВШИН.
Сан-Диего, Калифорния.

БРЫЗГИ ФОНТАНСКОГО

От Михаила Обуховского — всем читателям журнала "Фонтан"

"Фонтан", он и в Лионе "Фонтан". Вынимаю из почтового ящика свежий номер журнала, и сразу "пахнет морем" и "Фонтаны" покрываются цветущими садами. По поводу заказываю: "Шалпанское!" — но не "Эррот", который мы еще по студенческой классификации, называли "кисляк", а розовое мускатное одесского разлива. Плугельцы почему-то не считают его ни вином, ни, тем более, шалпанским — несомненно на магическое имя "Родерер", успешно скрытое большевиками под названием "Советское". Как я понял, имя основателя завода шалпанских вин на Пролетарском якобы брательере уже не является стратегическим секретом.

Настоящий "Родерер" во Франции считается раритетом, и никто не верит, что этот изгнанный по качеству и пролетарский по месту употребления промисленной ферментации напиток продавался за всего лишь три франка. Но родереровское шалпанское, согласитесь, нельзя отнести к категории "Берёж или Не берёж". Бутылка "Родерера" (покрытая пылью с октября 17-го года, спрятанная от конницы Котовского и большого любителя шалпанского — Чапаевского Петюки) — мечта каждого знатока-француза, готового ехать за своей мечтой в Одессу, в отличие от нас, чуждавших за мечтой вначале в тундру (или в тайгу), а затем на историческую (или экономическую) родину.

И вот, когда по поводу одесского юмористического издания, донесшего до Франции, уже было "полито", мы явно почувствовали брызги... Фонтанского. И какие брызги! Эти смешные украинцы описывают тех смешных китайцев, старые евреи издеваются над новыми русскими. Раскопки Турбаря фонтанщицу и интересные фамилии одесситов, и где-то совсем рядом рождается Нам Новый Бабель.

Я подумал: "А что, здесь, во Франции, своих фонтанов нету?". Вот: во французском Петергофе Большой Фонтан Версала назван "Нептунум", который на четверке лошадей питаётся вырваться из бассейна, собравшего струи этого фонтана. А всего в двух часах от автоостраде от моего дома, на берегу Жевевского озера, Очень Большой фонтан урзугой струей поднимается на недосгаемую ни одним фонтаном мира высоту, выражаемую трехзначной цифрой (в евро). Масса воды в секунду могла бы заменить великий Каракурский канал, оросить Ферганскую долину и стать еще одной великой стройкой коммунизма в гениальном плане преобразования природы.

Средних Фонтанов здесь, в отличие от Одессы, много. На наш Средний Фонтан надо было ехать на 18-м трамвае, открытые вагоны которого скорее походило на украшенную прекрасными одесскими веранду, чем на коммунальный транспорт. Здесь же, во Франции, Самый Средний фонтан действительно находится последние Прованса. Называется он "Фонтаны Воклюза", хотя это опять-таки не фонтан, а падающий со скалы водопад. Востро 18-го трамвае к каскаду летают на дельтапаланах. Главное же (забудьте дыхание, любители аналогий) — как и в Одессе, этот фонтан не только выражает географическое название, и качество воды. Если вода не так кристально чиста, как в этом каскаде, то она "не фонтан".

Обычно-Средние фонтаны в центре городов — самые буржуазные, в броне и мифологических героях. Но — при всей их французскости — дети иммигрантов там моют ноги. Малые фонтаны, как и у нас, протстой публике неизвестны, хотя их красоты и описывает гид туристам, глазеющим совсем в другую сторону. Когда же говорим французю о малом фонтане, он представляет себе диде.

По старой традиции фонтаном называют бочонок с вином на народных праздниках. Но это явно "не фонтан", так как во Франции надо заказывать этикетку, а не вино. И тогда начинается чудодейство "виного" изтра, рассказывающего о микроклимате, аромате, составе

почвы и древности поместья (как сводна о засидевшейся невесте в Езупе). И уж если все же кто-то и пьет вино из такого "нефонтана", то проверьте, не носит ли он нахалку "Нет счастья в жизни".

Есть здесь и готовые садовые устройства, которые продаются в специализированных магазинах, где вы можете купить фонтан любого размера, но при условии, что он будет средним.

Прилагательное "фонтанский" всегда было одесским знаком качества. Ну, скажем, фонтанская помидора или фонтанский айрикоз, а не горюче уже про фонтанскую гачу. Верные мичуринцы вырабатывали фонтанскую черешню размером со сливу, со вкусом персика и запахом "Манели Мели 5" (да других "Манелей" просто и не было, сразу номер 5, как СКБ-З — не один, не два, не три и четырнадцать сортов, не, тем более СКБ-семь соток. Это СКБ за "железную чашку" продавало для самостоятельного издранным план родных, блин, Фонтанов).

Вот только шалпанское не было Фонтанским, оставаясь советским, т.е. не шалпанским вообще, а так, истрислым атрибутом власти, в ряду изобретателей радио, паровозов и тройного одеколора. "Фонтан" же, как приз, селекционированной шутке присваивает прилагательное "фонтанская". Я увидел, как фонтанщицу одесский банк клоаки как что-то фонтанское поднимается у факера на ризучке, спрятанном за инициалами Л. А. Я был счастлив, как совслужащий, которому дали поносить кепку Ильича. Я был спокоен — бульвар Французский по-прежнему весь в цвету...

И если в залочуемый Лион одесский журнал пришел в месяце его выхода в столице юмора, то распространяется он со скоростью пандемии до изобретения пенициллина. Даже месячной свежести "Фонтан" оставался "Фонтаном", в отличие от убоговечной Булгаковом осетрины...

Среди воистину одесских районов выделялись два: Молдаванка, еще со времен еврейских погромов ставшая исконно украинской, и Фонтаны, которые не знали национализма. Фонтаны были пролетарскими (Малые) или буржуазными (Большой). Эти районы соперничали и в литературе: участок на Молдаванке горел, как свечка, тогда как Фонтан покрывался черешухой. Чувствуете разницу — ни того, ни другого никогда и не было.

А дачи фонтанские сдавались людям особой национальности — обкомовской. Не живет ли в них сейчас гетман, или шахиншах, или городской голова, или старший чабан, или отец нации... Летом (а это почти круглый год) фонтанские пляжи приобретают цветовой гамму украинского флага. А флаг фонтанский? Почему бы не добавить, по правде дубавника, розовый цвет всплескивших весной фонтанских садов?

Вот тут я и подумал, что Одессу мы любим просто так, как маму, но еще и за Фонтаны. А Францию? Францию-то за что? — за Парижскую Колумбу, сожравшую своих детей? за Парижскую школу живописи, созданную нашими Шагалом и оравой наших европейских художников, за исконно французских писателей — Хемингуэя и Бунина? Можно за женщину, волшебную, или нежный роффор, завернутый в виноградные листья.

А "Фонтан" я полюбил за то, что далеко не все лица фонтанской национальности стигнут сейчас розы на собственных виллах в Калифорнии или плавают не в сточных водах нечерного моря. Невновые и перхушки, они, как и я, мечтают о тех же Брызгах Фонтанского, что поспасительность ощутили мне, открыл одесский юмористический журнал с понятными и во Франции названием "Фонтан".

Михаил ОБУХОВСКИЙ.
Лион, май 2002.

От выпускников школы № 107 — всем выпускникам этой школы

ПОЛВЕКА ПОЗАДИ, И МЫ ЕЩЕ ЖИВЕМ, ПОЧТИ ВСЕ...

50 лет прошло с тех пор, как мы, учащиеся 10-го класса Одесской средней школы № 107, получили 23 июня 1952 года на руки аттестаты зрелости, окончившие в водоворот бурного плавания по волнам жизни. Хотя были еще счастливые студенческие годы, но школьные сохранились как самые яркие, светлые, бесшабашные и, наверное, поэтому более запоминающиеся.

Большинство наших выпускников — в Одессе, 15 человек; кто-то за ее пределами, но все равно они всегда с нами, и, надеюсь, что мы тоже — с ними.

Если вспомнить те далекие годы, время было тяжелое, а мы, дети войны, хорошо ощущали лишения и невзгоды, выпавшие на долю наших родителей, близких и знакомых: систематическое недообразование, карточная система, очереди, репрессии и прочие "прелести" системы. Все твердо знали, во всяком случае, большинство из нас, что надо не просто учиться, а хорошо учиться, чтобы чего-то достичь в жизни. Об этом нам всегда говорили родители. Мы, в меру своих способностей и усидчивости, успешно окончили школу. Ребята почти все поступили в высшие учебные заведения и получили высшее образование: кто стал инженером, кто — врачом.

С большой теплотой вспоминаем нашего классного руководителя, дорогого Бориса Ильича Хуторянского — преподавателя русского языка и литературы, преподавателя от Бога. Ему в конце 2001 года исполнилось 80 лет, живет он

и здравствует в г. Бостон (штат Массачусетс). Пользуясь случаем, хотя со значительным опозданием, поздравляем Бориса Ильича от всех наших еще не совсем состарившихся сердец со счастливыми юбилеем и желаем ему крепкого здоровья и долгих лет жизни.

Наши старшие друзья по школе выпускники 1949 года (со многими из них мы общались в те далекие годы), проживая в настоящее время в Америке, в статье, опубликованной в конце прошлого года в "Одесском листке", издающемся в Сан-Франциско, высказали много теплых слов в адрес выпускника: профессионализм, обаяние, исключительная порядочность. Он — кладешь обширнейших знаний как по основным предмету, так и по разным разделам математики, физики; прекрасный шахматист. Он всегда приходил на помощь отстающим ученикам, не считаясь со своим личным временем. Он привил нам любовь к русскому языку и литературе, которые знал в совершенстве, на все оставшуюся жизнь научил нас правильно разговаривать и грамотно писать. Это списало ему любовь и уважение учеников.

Из нашего выпуска в настоящее время в Одессе находятся 15 ребят. Десять из них 25 мая 2002 года (немного раньше положенного срока, так получилось), в 13 часов по местному времени, встретились возле нашей школы, сфотографировались на память, поднялись на второй этаж, зашли в наш класс, сели за парты и предались юности воспоминаниям. К сожалению, твое ребят больше, пятерых — Пашка Кравца, Юра Багина, Фарин-

тейна, Гарика Мильштейна и Жору Манолова — не удалось разыскать.

После посещения школы уже в неофициальной обстановке, за праздничными столами, произнесли тост за всех нас, живущих еще на этой планете, за живущих и здравствующих преподавателей; поманули безвременно ушедших учителей и наших одноклассников: Пашка Роскарино, Жень Быхкова, Котю Анюхина, Шурика Лещинского и Селена Абовского.

Чтобы ребята, прочитавшие эти заметки, знали хотя бы, где проживают разбросанные по всему свету одноклассники, сообщаем, что в Америке проживают: в Дебройте — Валя Кавняцкий, Жора Брандт; в Лос-Анжелесе — Триша Рэсин; в Нью-Йорке — Сама Харьковская; в Израиле — Триша Бершадский и Вади Данилюк; в Германии — Осип Штейман (г. Эрфурт). В России — Руслан Бакало, Дима Завадский (Москва), Боря Воздаев (Московская область, Балашиха).

Все, кто захочет откликнуться на эти заметки "по поводу" и по звуку сердца, напишите по адресу: 65072, г. Одесса, Украина, до востребования Владимиру Цосировичу Штейнбергу, который уведомит Фарисов Шлопо и Хаита, Леня Гринштейна и Тиллера, Диму Арова, Вадику Любарского, Володо Левита, а также находящихся не в рабочем состоянии Юру Чайковского, Витю Лобазникова и Борю Кулевсона, их номера телефонов ищите.

Пока же все мы — одеситы по месту проживания, всех иногородних одеситов крепко обнимаем и ждем руки. Дай Бог, может быть, когда-нибудь и увидимся.

До свидания.

Выпускники школы № 107 1952 года.
Май 2002 г.